

Мира ПЕК

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ СЕМЬИ: СИБИРЬ — КИРГИЗИЯ — ХОЛОКОСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА И ПУБЛИКАТОРА

В конце 1950-х — начале 1960-х я жила в городе Березники Пермской области. Состав населения там был на редкость многонациональный, причем это были не только представители коренных народов СССР. Так, в начальных классах у нас было много немецких детей (как я позже поняла, это были дети спецпоселенцев — депортированных этнических немцев). Почти все они вскоре исчезли — по-видимому, воспользовались открывшейся возможностью уехать в ФРГ, ГДР и Австрию. Я знала несколько семей из Польши, а у моей школьной подруги папа был из Румынии. Когда я подросла, то поняла, что все они, как и девочки из Минска, Пинска и Бобруйска, учившиеся со мной в музыкальной школе, были евреи. Семьи девочек из Белоруссии, скорее всего, были эвакуированы на Урал во время войны, да так там и остались. Но как туда попали граждане Польши и Румынии? В годы моего детства никто не приезжал из этих стран в СССР на постоянное местожительство. Только после переезда в Америку в 1980-е годы картина стала проясняться. Постепенно я знакомилась с польскими евреями, которые в послевоенные годы эмигрировали в США. Во время войны все они бежали в Советский Союз и благодаря этому выжили, тогда как их семьи, оставшиеся в Польше, были истреблены. То же касалось и румынских евреев. Очевидно, по окончании войны часть беженцев так и осталась в СССР.

Выходец из Польши Мюррей Джерос, отец подруги моей дочери, рассказывал, как в девять лет он вместе с матерью скитался по белорусским лесам. Потом они встретили советских партизан и до окончания военных действий находились в отряде. После войны узнали, что только они и выжили из всей многочисленной родни.

Моя приятельница Мери Гросс родилась в Боливии, куда после войны эмигрировали из Польши ее родители. Оба были в концлагере, но их не успели уничтожить. Им было по семнадцать, когда они освободились, встретились, поженились и уехали как можно дальше от этой страшной памяти. Родных не осталось. На семейные торжества к Мери приезжали две-три пары друзей матери, которые немного говорили по-русски. Оказалось, что во время войны все они жили в Казахстане, где в то время находилось много польских евреев. В доме Мери мы познакомились также со вторым мужем ее свекрови. Когда в Польшу пришли немцы, он сначала скрывался у лесника, а потом сумел перебраться в Советский Союз, вступил в Красную армию и участвовал в освобождении Польши.

Позже я подружилась с журналисткой Аннет Кин, которая любила хвастаться, что родилась в Сибири, а потому у нее русская душа, как у Наташи Ростовской. Родители Аннет были из маленького польского городка. В один из первых дней после нападения Германии отец Аннет шел по улице и увидел грузовик, а в нем девушку, в которую был влюблен. Отец девушки крикнул будущему зятю, что здесь оставаться опасно, они с друзьями и родственниками едут на восток, и предложил присоединиться. Недолго думая, юноша вскочил в кузов. Из всех родственников только он и остался

в живых, да еще его младшая сестра: девочку-блондинку приняла польская семья, выдав ее за племянницу. Роджер, муж Аннет, шутил, что ее отец всегда следовал за маршалом Жуковым: когда Жуков шел на восток, отец Аннет тоже шел на восток, когда Жуков двинулся на запад, ее отец, уже с женой и детьми, последовал за ним. Приехав в Польшу, они «увидели, что их там не ждут» (подробностей Аннет не рассказывала), и поехали дальше. Несколько лет они провели в американском лагере для перемещенных лиц и в конце концов оказались в Нью-Йорке. Аннет говорила, что ее родственники, когда собираются вместе, любят петь русские песни. Аннет и Роджер интересовались историей, так что их рассказы содержали не только семейные предания. По официальным данным, сказала Аннет, во время войны в СССР уехало полмиллиона польских евреев, которые благодаря этому остались живы. Но она считала, что цифра занижена — более вероятно, что количество спасшихся доходило до миллиона. Ничего подобного я до этого не слышала.

В 1990-е годы в Нью-Йорке я познакомилась с журналисткой Хайей Мусман, в прошлом адвокатом, и прочла ее книгу «Город мой расстрелянный», где она повествует о судьбах 25-тысячного еврейского населения города Ровно. Около 17 тысяч из них были уничтожены в ноябре 1941 года немецкими оккупантами и членами ОУН. Впервые «из первых рук» я узнала также о том, что происходило на польской территории, в 1939 году вошедшей в состав советской Украины. Хая писала, как улучшилась жизнь большинства жителей города, особенно бедных и ущемленных в правах, включая ее семью. До этого поляки и евреи в Ровно ходили по разным сторонам улицы, на которой стоял костел, в польских университетах поляки и евреи должны были сидеть на разных половинах аудитории, а «фашиствующие студенты Львовского политехнического института носили насаженную на палку картофелину с воткнутыми в нее лезвиями для бритвы» и «этим орудием били студентов-евреев». С началом Великой Отечественной войны началось бегство из Ровно. Двоюродные братья Хаи достали подводу и предложили уходить вместе с ними. Ее отец был ранен при бомбежке, так что родители решили остаться. Они сказали, что пережили оккупацию в Первую мировую войну, что немцы культурные люди, так что бояться им нечего, но шестнадцатилетней девушке не место там, где идет война. И Хая ушла с братьями на восток. Из всей родни остались только они трое.

По мере того как я узнавала все это, у меня возникал вопрос: почему о массовом спасении в Советском Союзе восточных европейцев, преимущественно евреев, практически ничего не известно? Пишут книги и снимают фильмы об отдельных людях или общинах, спасавших евреев во время Второй мировой войны, — например, о французской протестантской коммуне Шамбон-сюр-Линьон, жители которой спасли от смерти от 3000 до 5000 евреев; о предпринимателе Оскаре Шиндлере, нанявшем около 1200 евреев на свои предприятия и тем спасшем их от верной смерти, и т. д. Но нет никаких значимых публикаций или кинофильмов *о многих сотнях тысяч евреев, нашедших спасение в СССР!* Причем это имело место во время страшной войны, когда главные силы страны были сосредоточены на сопротивлении сильнейшей армии в мире, и советские люди сами терпели лишения.

В Википедии, при отсутствии четких данных, я прочла: «Общая численность еврейских беженцев из западной части Польши в СССР оценивается по разным источникам от 200 до 500 тысяч человек». В другой статье приводится таблица, озаглавленная «Страны, принявшие еврейских беженцев в 1933–1943 годах (кроме временно эвакуированных в годы войны в глубь СССР)». Тут тебе и США с Канадой, и европейские страны, и латиноамериканские, и даже африканская, нет только Советского Союза! Но почему? Ведь, согласно чикагскому «Часовому», который цитирует Солженицын, «Советский Союз приютил девять десятых всех спасшихся от Гитлера европейских беженцев-евреев».

Доклад израильского историка Альберта Кагановича на V Международной конференции в Алма-Ате в октябре 2010 года содержит критику помощи беженцам, хотя он признает, что все это происходило во время войны. Каганович пишет, что «в г. Алма-

Ата уже осенью 1941 г. часто говорили о бездушии властей: „Поступают хуже фашистов“, а также: „Мы нигде не встречали к себе такого нечеловеческого бездушного отношения и если бы это знали, лучше бы погибли от пуль фашистов, нежели погибать здесь медленной смертью“. Имен цитируемых им людей он не называет. А все встреченные мною в Америке польские евреи были благодарны Советскому Союзу за то, что им не пришлось погибнуть от пуль фашистов, как их семьям, оставшимся в оккупированной Польше... Перечисляя многочисленные претензии к организации эвакуации, докладчик утверждает: «Пребывание многих сотен тысяч еврейских беженцев в восточных частях СССР — неотъемлемая часть холокоста, с которым пришлось столкнуться европейскому еврейству во время этой войны». Таким образом, Каганович фактически приравнивает уничтожение миллионов евреев немецкими фашистами и беспрецедентную помощь сотням тысяч беженцев, в том числе иностранных, в стране, объята войной. Ведь с трудностями столкнулось тогда все население Советского Союза, о чем сохранились свидетельства в каждой семье и написано множество книг. Из недавних хочу назвать книги хорошо знакомых мне авторов: воспоминания моей бабушки Ц. Л. Янковской «Ровесница века», где она описывает, как они с моей мамой добирались из блокадного Ленинграда до Казани, куда был эвакуирован Институт физиологии АН СССР, сотрудницей которого она была, и семейная сага моей соученицы Светы Нахимберг-Панихиной «Жизнь в кавычках». Света описывает бегство из Киева своих бабушки и дедушки с семьей детьми (восьмой, ее отец, был на фронте). Пока добирались до Березников, из семи детей осталось двое. А все родные Светиной бабушки-еврейки, оставшиеся в Киеве (дед был молдаванин), погибли в Бабьем Яру. Такова была реальность для советского народа в годы войны.

Да, приходилось трудно, но, как отмечала Аннет Кин со слов своих родственников, их никак не выделяли по сравнению с местными, они несли лишения наравне со всеми. Разумеется, были и просчеты в работе властей, и отдельные проявления антисемитизма, но не это было главным. Главное, что миллионы евреев, советских и европейских, избежали печей Освенцима и Майданека и массовых расстрелов, а часть их, в первую очередь граждане СССР, еще и внесли свой вклад в победу над врагом, перед которым пали европейские страны, где евреев методично уничтожали, в чем немцам помогала часть местного населения. Почему же замалчиваются столь важные свидетельства спасения значительной части европейского еврейства? Ведь это неотъемлемая часть истории войны.

И вот мне попала в руки книга Миры Пек (Mira Peck) «My Parents' Triumph: Over Siberia, Kirgizia and the Holocaust»¹, которая ответила на многие мои вопросы и заполнила часть пробелов в моих познаниях о действиях немецких фашистов в Польше и в Советском Союзе. Книга включает в себя беседы с ее родителями, Велвлом (Вульф) и Зофьей (Зосей) Пашко (Вульф 1921 года рождения, Зося на три года моложе), которые Пек записала в 1988—1991 годах в Мельбурне, а также статистические данные, относящиеся к событиям тех лет. Перед вами мой сокращенный авторизованный перевод с английского книги Миры Пек. Дословный перевод названия, «Победа (триумф) моих родителей над Сибирью, Киргизией и холокостом», не представляется удачным, поэтому я предлагаю более подходящий русский эквивалент. Поскольку я не перевожу буквально каждое предложение, а кратко передаю содержание бесед, я веду рассказ от третьего лица. Точные цитаты из воспоминаний Вульфа и Зоси Пашко даны в кавычках. Я хочу поблагодарить Миру за чтение и высокую оценку моего текста.

Эти откровенные рассказы об испытаниях, выпавших на долю семьи Пашко, томов премногих тяжелей. Мы узнаем о жизни в предвоенной Польше, о немецкой оккупации в 1939 году, об установлении в том же году советской власти на части территории Польши, отошедшей к СССР, о новом приходе туда немцев в 1941—1945 годах. Узнаем о пребывании в глубоком советском тылу и о жизни, не всегда мирной, в послевоенной Польше, о массовом исходе оттуда евреев в течение двадцати лет после

¹ Create Space Independent Publishing Platform, 2017, USA.

окончания войны. Особую ценность этим свидетельствам придает то, что семья Миры смешанная: отец еврей, мать полька, и это дает более объемную панораму разворачивающейся у нас на глазах истории. Важно и то, что по возвращении в Польшу Пашко были в гуще событий: Вульф был одним из самых уважаемых кооператоров Польши, признанным изобретателем. Вместе с немногими добровольцами он в 1946—1948 годах занимался эксгумацией и перезахоронением жертв нацистского геноцида. Отъезд семьи в Австралию звучит заключительным аккордом, хорошо знакомым эмигрантам из разных стран.

По всему повествованию рассыпаны детали быта, которые делают картину яркой и достоверной. Интересны психологические нюансы взаимоотношений: семейных, межэтнических, служебных, дружеских и соседских. Книга дает пищу для переосмысления многих мифов о советской действительности и о событиях в Польше. Бесценна абсолютная неангажированность рассказчиков: они не агитируют ни за Польшу, ни за Россию, ни за те или иные политические силы или этнические организации, ни за Австралию и эмиграцию, не стремятся кого-то разоблачить и развенчать. Они просто рассказывают все как есть, не стараясь себя приукрасить. Свидетельства родителей Миры Пек разбивают в прах «новую арифметику» в оценках Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Татьяна ЯНКОВСКАЯ

Я не помню ничего плохого со стороны русских. Если и было что-то плохое, то это голод, но мы голодали вместе. В нашей памяти остались только доброта и человечность.

Велвл Пашко

Вульф

Немного статистики. Перед войной население Польши составляло примерно 32 млн человек, из них 4 млн евреев². Белосток, Лодзь, Варшава, Краков были крупными центрами еврейской жизни в Польше, но были города, где евреев почти не было. За 1000 лет проживания в Польше евреи сталкивались с антисемитизмом и периодическими погромами, но, как вспоминает Велвл (Вульф) Пашко, до 1936 года жизнь была мирной. Семья Вульфа жила в городе Белостоке на северо-востоке страны. И у него, и у его родителей было много польских друзей, многие из них знали идиш. Еврейское население района, включая окрестные села, составляло 250 тысяч, среди них ремесленники, плотники, кузнецы, но больше всего портных и сапожников. Большинство были бедны. Они продавали свои изделия крестьянам или меняли на продукты. В городских лавках продавали бочковую селедку, но многим она была не по карману. Тогда люди покупали рассол в стеклянную тару и по выходным на завтрак ели картошку в мундирах, которую макали в селедочный рассол. Это считалось деликатесом. Интересно, замечает Пашко, что антисемитская литература никогда не упоминает еврейских бедняков, занятых тяжелым физическим трудом, хотя в Белостоке их было 90 %, а всегда выделяет богатых бизнесменов, купцов и владельцев предприятий. Хотя среди последних были и не евреи: например, в городе были немецкие фабрики. Были также грузчики, извозчики, проститутки, воры, профессиональные нищие разной квалификации, безработные, городские сумасшедшие и, конечно, интеллигенция: врачи, юристы, бухгалтеры, писатели.

Отец Вульфа был портной, они с женой продавали сшитую им одежду на рынке и в окрестных деревнях. Мать также держала собственный магазин одежды. У Вульфа

² В разных источниках цифры немного колеблются.

был сводный старший брат. Дед Ерш со стороны отца проводил время в синагоге за изучением Торы, а дед Бенья с материнской имел свою домашнюю синагогу — он был мелкий бизнесмен, держал обувной магазин, а также карусель и прокат велосипедов. Последние два бизнеса обслуживались мальчишками, получавшими вместо зарплаты разрешение бесплатно покататься на велосипеде и на карусели.

Учился Вульф в дорогой еврейской частной школе. Когда родители купили дом и влезли в долги, он продолжил учебу в хедере, городской школе для мальчиков из бедных еврейских семей. В обеих школах уроки польского языка были только раз в неделю. Семья жила все хуже. Мать болела, неуживчивый отец угодил в тюрьму за драку с полицейским (он и мать поколачивал). В шестнадцать лет Вульф поступил в ешиву, где изучал религию, но через год понял, что это не для него, и пошел работать. Его ограничивало плохое знание польского: он не только писал безграмотно, но и говорил не так хорошо, как евреи Варшавы, Лодзи, Кракова, говорившие дома по-польски³. В Белостоке евреи говорили на идиш, которым неплохо владели и жившие там славяне. Вульф стал плотником. Младший брат отца обучил его и помог найти работу.

В городе действовали политические и общественные организации. У евреев — сионисты, ревизионисты, консерваторы, кибуцники и т. п. У поляков были свои группировки, обе крайне правые, национал-демократы и националисты. Они отличались отношением к евреям: первые призывали их бить, вторые бойкотировать, мирно попуская покинуть страну. Польские правые, как и правые сионисты, сторонники Жаботинского, носили униформу, были вооружены. Для большинства поляков, включая крестьян, приезжавших в город за товарами, было важно одно — купить подешевле. Пикеты националистов им мешали, и нередко возникали серьезные драки, когда в ход шли ножи и кинжалы. В 1936 году фактическим диктатором Польши стал Рыдз-Смиглы, поощрявший националистов. Антисемитизм приобрел более опасные формы, чем при Пилсудском, умершем в 1935 году.

К июлю 1939 года в Белостоке проживало 108 тысяч человек, из них 50 тысяч евреев. В сентябре 1939-го в Белосток вошли немцы и сразу начали хватать людей на улицах, расстреливать, пытать, вешать, отправлять в концлагеря. Солдаты стреляли в евреев просто для развлечения. Согласно советско-германскому договору Белосток входил в советскую зону, и примерно через неделю немцы ушли, а вместо них пришли русские. Поэтому в октябре 1939-го из-за наплыва беженцев из занятой нацистами части Польши население города достигло 200 тысяч человек, число евреев выросло до 140 тысяч. (После войны 1085 евреев вернулось в город из лесов, концлагерей, укрытий в домах поляков, а также из Советского Союза. Большинство в течение последующих лет покинуло Польшу. Семья Миры эмигрировала в Австралию. К 1991 году в городе остался единственный еврей.)

Прибытие Красной армии горожане отмечали как праздник, солдат встречали с цветами. Это означало новый язык и новые возможности для работы. Как всегда, были эксцессы, вызванные дорвавшимися до власти ничтожествами. Так, в дом деда Бени пришел местный еврей по фамилии Бак, записавшийся в НКВД, схватил его за бороду, осыпая «капиталиста» оскорблениями и крича, что людей с такой бородой нужно было давно лишить права на жизнь. Дед умер на месте от разрыва сердца. Были арестованы все проститутки, воры и мошенники, а владельцев частных фабрик, преобразованных в комбинаты, в течение месяца заменили директорами, и тех фабрикантов, кто не уехал на запад, вместе с уголовными элементами отправили в Сибирь. Благодаря этому почти все они выжили, хоть Сибирь и не курорт, и после войны вернулись в Польшу и проследовали далее на запад. Советскими властями была свернута частная

³ Сильно урезанное изучение польского языка в еврейских школах ограничивало возможности для дальнейшего хорошего образования и карьеры.

торговля, открылись большие гастрономы с пустыми полками — но главное, не было постоянной угрозы жизни.

Молодежь получила возможность приобретать новые профессии. Вульфа послали на курсы русского языка, а когда он хорошо овладел чтением и письмом, вместе с группой молодежи направили на курсы пожарных в Минск, где, кроме пожарного дела, интенсивно изучались русский язык (ср. с изучением польского в довоенных еврейских школах. — Т. Я.) и советские законы. После окончания курсов Вульфа назначили начальником охраны одного из городских комбинатов. Он нанял и обучил 20 пожарных и 20 охранников, которые должны были следить за соблюдением техники безопасности, не допускать пьянства и воровства. До начала Великой Отечественной войны бригада под началом Пашко потушила несколько пожаров, за что он получил премию сто рублей и двухнедельную путевку на курорт. Это событие оказалось судьбоносным. Мать упаковала Вульфу чемодан, отец проводил на поезд. Это был последний раз, когда он видел родителей и кого-либо из родственников, которых в Белостоке было более ста человек. Только один кузен выжил после войны, пройдя через Майданек и Трешлинку.

На курорте недалеко от Барановичей собралось несколько сот человек со всей Польши и Советского Союза, награжденных за хорошую работу. Заезд был в четверг 19 июня 1941 года, а утром в воскресенье, когда Вульф с группой парней и девушек гулял вдоль реки, над ними пролетели самолеты. «Похоже, война!» — пошутил кто-то. А за обедом им официально объявили о начале войны. Началась паника. Вульф и его земляки немедленно двинулись на запад и на полпути к Белостоку столкнулись с молодыми мужчинами, бегущими оттуда. Те сообщили, что в городе бесчинствуют немцы, и убедили их двигаться на восток. За десять дней Вульф с товарищами прошли 600 километров, почти без сна и еды, потому что немцы шли по пятам. Не все могли выдержать такой темп, да и немецкие бомбы, дождем падавшие на них, проредили их ряды. Вся дорога от Барановичей до Минска и далее до Могилева была покрыта лужами крови и тысячами тел раненых и убитых. Это была настоящая бойня. Хоронить было некогда. Минск был в огне, красноармейцы в панике. Пашко рассказал, что в Барановичах они видели генералов, бегающих в недоумении: «Почему нет приказа поднять в воздух наши самолеты?» Через несколько дней выяснилось, что это был саботаж. В воздухе появились советские истребители, и немцы уже не могли летать так свободно, как раньше. Вскоре беженцы увидели и противозенитные артиллерийские батареи. «Главное, что после выявления саботажа началось сопротивление. Немцы быстро приблизились к Смоленску, но сконцентрированные там силы Красной армии смогли их отбросить», — говорит Пашко. Под Могилевом группа с ужасом увидела пятнадцать офицеров в незнакомой форме: «К счастью, это были русские. Улыбаясь, они посоветовали нам продолжать двигаться в глубь России, где мы будем в большей безопасности. Я никогда не забуду эту сцену: они остались, а мы продолжали идти по лесам на восток, уходя от опасности». Шли мимо советских танков и зенитных орудий, уверенные, что немцы не смогут прорвать такую оборону, но на следующий день немцы разбомбили все в прах, и солдаты в спешке отступили, нагнав группу Вульфа. Где возможно, беженцы ехали на товарных поездах, уставшие, голодные, по несколько дней без воды. И русские солдаты иногда делились с ними хлебом и водой, хотя им самим не хватало.

Добравшись до Саратова, попутчики решили устроиться на работу в колхоз или совхоз. Вульф предложил сначала понаблюдать — где лошади и коровы сытые и холые, туда и идти наниматься. Их взяли на уборку урожая, за работу давали вдоволь белого хлеба, огромные арбузы. Вульф подружился с семьей эвакуированных советских евреев, которые дали ему одежду и подкармливали. У них была дочка, и они предложили усыновить Вульфа. Но прошел слух, что скоро здесь появятся немцы, и друзья убедили его двигаться с ними в Среднюю Азию. В начале 1942 года они добрались до

Ташкента. Там на рынке Вульф встретил знакомого своего отца, в прошлом известного в Белостоке футболиста. Тот дал ему десятку, на которую Вульф купил лепешек и продолжил свой путь.

В Кант, город-спутник Фрунзе (Бишкека), он пришел с тяжелой пневмонией, и его положили в больницу. Вульф ничего не помнит об этом, так ему было плохо. Медсестра позже рассказала ему, что санитары, посчитав, что он умер, отнесли его в морг. К счастью, главврач заметила отсутствие «Володи», побежала в морг и обнаружила, что у него еще есть пульс. С этого момента начался кризис, и Володя-Вульф пошел на поправку. Появилась новая проблема — аппетит. От голода Вульф не мог спать. Медсестра Паша давала ему снотворное. Но больной просил хлеба. Тогда Паша стала проверять постели недавно умерших киргизов и часто под подушкой находила куски хлеба, которые Вульф втихоря съедал под одеялом. Когда медсестра принесла ему зеркало и он увидел себя после двух месяцев голода и болезни, он был настолько шокирован, что заплакал. Паша принесла таз и помыла ему голову, «как мать родная», но когда она стала его брить, это было больно до слез — казалось, она сдирает с него кожу. Потом Паша стала заново учить его ходить. «Лишь через несколько недель я почувствовал, что могу покинуть госпиталь». Его выписали, но он едва мог передвигаться от слабости, не говоря уж о работе. Он слонялся в окрестностях госпиталя, и Паша, когда могла, выносила ему еду. «Она спасла мне жизнь, и я никогда этого не забуду».

Вульф перекочевал на базар. Он подбирал огрызки яблок и слив и доедал остатки мякоти, ел ядра сливовых косточек, пока у него не начал болеть живот. Вскоре он познакомился с ребятами из Польши, которые посоветовали ему устроиться на сахарный завод (Кант по-киргизски сахар). Но Вульф был еще слишком слаб. Тут он встретил старого знакомого из Белостока с котомкой, а в ней — хлеб, сало и другие продукты. Несколько дней знакомый его подкармливал, но потом заявил, что ему не нужен захребетник. Он был вор и нуждался в помощнике для торговли краденым. «К сожалению, у меня была кишка тонка, да и таланта такого не было». И Вульф отправился на сахарный завод.

Там начальник автомастерских взглянул на него с жалостью и направил в группу, которая занималась погрузкой и доставкой сахарной свеклы. Вульфу познакомили с водителем грузовика Марусей и другими женщинами из ее бригады. Всю ночь он не спал: что будет, когда обнаружится его полная никчемность? Но едва он появился утром на работе, женщины взяли его под руки и в секунду погрузили в кузов. По дороге расспросили, кто он и откуда, прониклись сочувствием и пообещали помочь. Когда приехали в поле, Вульфу вручили вилы, которые он не мог поднять даже без груза. Тогда ему велели сесть в сторонку, очистили для него свеклу — самую лучшую, без прожилок! — и пока он ее ел, загрузили в машину десять тонн свеклы. Потом закинули наверх инструменты и Вульфу. Разгрузившись, приветливо попрощались: «До свидания, Володя!» Жил он в это время в общежитии, где проживало пятьдесят представителей разных национальностей. Одни работали, другие воровали, третьи попрошайничали. «Самыми богатыми были нищие, потому что русские люди делились с ними последним». На погрузке свеклы Вульф «проработал» несколько недель, пока не окреп. Тогда началась настоящая работа — помощником механика и плотника, грузчиком, за что он получал продукты по рабочей карточке. Затем Вульф научился водить грузовик и стал напарником Маруси. Работать водителем было гораздо выгоднее, «потому что у нас были возможности улучшить свое положение. Иногда мы перевозили сухофрукты, рыбу, и всегда удавалось оставить немного для себя».

В 1943 году на рынке Вульф увидел цветущую, здоровую на вид девушку верхом на верблюде. Молодая наездница потом вспоминала, как, сидя меж горбов верблудицы Зойки, проезжала по базару и заметила парня с густыми черными волосами: «Он был красив, как кинозвезда, только очень худой».

Зося

Хозяйка верблюда Зося хлебнула свою долю мытарств. Ее мать Марта происходила из рода небогатых шляхтичей Миловицких. Она влюбилась в чиновника налогового ведомства Якуба Влажника и против воли родителей вышла за него замуж. Семья невесты не приняла Якуба, так как он, хоть и был образованным, не имел земли и не был благородного происхождения, и прокляла Марту. Якуб устроился лесничим в Мазурских лесах. Марта родила шестерых сыновей и дочь и вскоре тяжело заболела. Через год она умерла, и тогда «бабча» приехала и забрала Зосю, а младший из мальчиков умер. В доме бабушки Зосю любили и баловали, но когда ей было восемь лет, приехал отец и забрал ее с собой — молодая жена родила ему сына, и нужна была нянька и помощница по хозяйству. Зосю поднимали в три часа утра и заставляли делать всю тяжелую работу, били и издевались над ней. Особенно жесток был старший из братьев, у которого были шашни с мачехой (он был всего на два года моложе ее). Несколько раз девочка убегала, но ее возвращали.

За четыре года, проведенные у отца, Зося совсем не выросла и была крайне истощена. Отец заподозрил, что у нее туберкулез, как у ее матери, и отвез обратно к бабушке. Здесь девочка быстро выросла и похорошела, ее одели и обули, хотя она все еще оставалась застенчивой и забитой. Через два года Зося отправилась в гости к отцу, хотела похвастаться перед мачехой своими красивыми одежками и счастливой жизнью. А через два месяца Германия напала на Польшу, и Зося не смогла вернуться к бабушке. Один из братьев Зоси сразу попал в плен, другого застрелили, когда он свесился с крыши, чтобы получше рассмотреть входящих в деревню немцев. Третий брат пропал без вести, четвертый еще раньше умер на службе в армии от какой-то болезни. Пришедшие немцы убивали жителей направо и налево. В деревне были рады, когда через две-три недели они ушли. Пришедшие на смену советские власти принесли много хорошего: спорт, танцы, кино. Но Якуба заподозрили в том, что он, будучи лесничим, помогает польским партизанам, боровшимся против Красной армии. Его семью, единственную в деревне, сослали в Сибирь. Ехали в товарных вагонах, по шесть-семь семей на вагон. Кроме Зоси, с ними ехал брат Янек, сбежавший из немецкого плена, и два сына мачехи. Дважды в день на остановках им давали горячий суп, хлеб и кипяток. В середине января прибыли в поселок недалеко от Тайшета и разместились в бараках на сорок семей каждый, где на одну семью выделялась маленькая комнатка с трехъярусными нарами. В коридоре — печки для обогрева, на которых можно было готовить. Но еду получали в столовой. Работали мужчины и подростки, жены в большинстве не работали и к концу рабочего дня приносили из столовой еду на всю семью — ведро супа (обычно борща) и хлеб, по килограмму на взрослого и 600 грамм на ребенка. Зосе не было шестнадцати, и ей полагалась детская порция. Мачеха обвинила ее в том, что она съедает больше, чем положено, и отказалась получать на нее продукты, так что Зосе после тяжелой работы приходилось стоять в очереди в столовой.

Ее определили в молодежную бригаду. Они собирали и жгли обрубленные ветки и расчищали дорогу для провоза бревен. В шестнадцать лет Зося начала работать со взрослыми. Мужчины валили и пилили деревья, женщины обрубали ветви. Все продукты были привозные. Мясо давали по праздникам. Когда умирали лошади, ели конину. Ссылным разрешалось ходить по лесу в радиусе пяти километров, и в сезон они собирали ягоды, грибы, орехи, конский щавель и другие травы, ели мед из диких ульев. Работали с восьми утра до пяти вечера, а потом Зосе, в отличие от других семейных, приходилось еще стоять в очередях за хлебом и супом. Над ней сжалась пожилая русская пара из ссыльных помещиков, работавшая на выдаче хлеба. Бабушка предложила ей

приходить к концу дня помочь с уборкой и каждый раз давала ей целую буханку хлеба (два с половиной кило), а также вареную картошку, квашеную капусту, а иногда и луковицу, так что Зося больше не голодала и хорошо выглядела. Старики полюбили девушку, звали к себе жить, мечтали женить на ней своего сына, когда он вернется из армии.

Среди ссыльных начался тиф. Заболел и один из сыновей мачехи. Зося в это время работала, развозя на лошади по участкам воду. Воду она кипятила и заваривала для работников чай с голубикой, травами и кореньями. Зося отвезла на лошади сводного брата в больницу за несколько километров. Мачеху бесило, что Зося не болеет: «Никакая холера ее не берет!» Помимо лучшего, чем у большинства, питания, ее спасал дикий чеснок, который она находила в тайге и ела в больших количествах. Зося с подругой собирали и ели клюкву, нашли траву с мыльным привкусом и чистили ею зубы и десны. Помогали выжить посылки и деньги, которые она получала из Польши от материнской родни. Раз в месяц все должны были сдавать вещи на прожарку, чтобы избавиться от вшей. «Хотя не было ни кино, ни радио, ни газет, взрослые и молодежь собирались в компании и общались. Было весело», — вспоминает Зося.

Сибирь закалила ее и физически, и морально. Она уже не поддавалась на манипуляции семьи. Так, неработавшая мачеха пыталась заставить ее пойти после работы за хлебом и супом для всех, но Зося собиралась с друзьями по ягоды и отказалась. За это брат Янек набросился на нее и чуть не задушил в драке, но вовремя опомнился, после чего стал лучше к ней относиться. Отец всегда был на стороне жены.

После нападения Германии на Советский Союз польским ссыльным объявили, что они могут ехать, куда хотят. Подготовка к отъезду заняла полгода. Вместе с еще одной ссыльной Зося совершила рейд по окрестным деревням, продавая вещи из посылок, на вырученные деньги купила билет на поезд, и они поехали в более удаленные села. Там нанимались на поденную работу, продолжали продавать и выменивать вещи, в двух деревнях украли сани, на которых перевозили продукты. Потом сани продали, купили муку и сели на обратный поезд. Из муки мачеха напекла хлеба для сухарей, и семья отправилась в Новосибирск, где формировалась польская армия. Там Зося с Янеком и Петром, старшим из сводных братьев, решили вместе со вновь сформированной армией ехать в Иран. Отец с мачехой и младшим братом остались: в Новосибирске им давали хлеб, кипяток, еду, что давало возможность выживания, в то время как многие ежедневно умирали с голоду.

Когда братья с сестрой пересекли границу с Ираном, то оказались среди больших толп народа, но не было ни еды, ни воды и царила страшная завшивленность. Янек решил присоединиться к армии, а Зосю с Петром отправил обратно в Новосибирск: «Здесь вам не выжить». На этот раз они всей семьей отправились в теплую Киргизию. Ехали в товарных вагонах, устланных сеном. На каждой станции получали еду, чай, воду, а на некоторых еще и обувь. Чувствовалась дисциплина и организованность, вспоминает Зося.

Они приехали в Кант и сняли однокомнатную квартиру у русских. Отец (ему было за пятьдесят) и мачеха не работали, жили на продуктовые карточки. Петр пошел добровольцем в польскую армию. А Зося устроилась на сахарный завод. Она получала хорошую зарплату, хлебный рацион и могла вдоволь пить на работе вкуснейший напиток, приготовленный из сахара с содовой водой. Потом семейство двинулось в Казахстан, а Зося осталась, с радостью избавившись от них. Узнав, что она умеет управляться с лошадьми, ей доверили верблюда по имени Зойка, и теперь Зося доставляла на хлебозавод муку со станции, а утром развозила хлеб по магазинам. Зимой работала на заводе, летом в колхозе на уборке свеклы. Следующей зимой ей вместо Зойки дали лошадь, потом Зойку вернули. Как и все, Зойка недоедала, к тому же ее объедала Зося: она продавала большую часть сена, предназначенного для верблюда, и покупала

себе на рынке еду. «Война шла полным ходом, — рассказывала она дочери. — Русским самим не хватало еды; вокруг было много голода и нищеты». В один из таких рейдов по базару она с высоты своей позиции между поникшими горбами голодной Зойки увидела своего суженого.

Молодожены

Вскоре Вульф и Зося познакомились, а через несколько месяцев поженились. Поселились они в глинобитной хижине, кишасей клопами, потом нашли лучшее жилье. Вульф все еще был слабым и истощенным. И Зося начала воровать зерно, выделенное на корм лошади, на которой снова работала. В обмен на мешок зерна им давали молоко. Когда лошадь так ослабела, что еле волочила ноги, Зося нашла место, откуда под покровом ночи можно было красть уголь. Его они тоже меняли на молоко и хлеб. После отъезда мачехи Зосе остались пуховое одеяло и подушка. С сахарного завода она вынесла плотное армейское полотно для фильтров и сшила пододеяльник, а потом и брюки для мужа. Зося часто приносила с работы сахар и хлеб. «Наказание было год тюрьмы за 100 грамм хлеба. Приходилось рисковать». Зося рассказала дочери о своей свадьбе, об угощении, для которого она принесла в жертву лошадь, на которой работала. Зося и раньше подворовывала сено и зерно из рациона подопечной скотины, а тут вообще перестала ее кормить, давала только воду. Продала кожаную упряжь за ненадобностью. Лошадь пала. По сложившейся традиции лучшие куски конины получал «хозяин» лошади. Так что Зося получила несколько кило отборного мяса, из которого они нажарили котлет («к счастью, ее лошадь умерла, и мы получили свою долю мяса», — рассказывал об этом Вульф), приготовили мамалыгу и купили у знакомого самогон, который тот гнал из картошки. Стол Вульф смастерил из старого ящика.

Молодоженам выделили участок земли — десять соток. Польская организация, помогавшая беженцам, выдала Вульфу кальсоны, и предприимчивая Зося выменяла на них у поляка, владевшего мельницей, кружку кукурузных зерен для посева на своем участке. Забеременев, она бросила работу, но вскоре заболела малярией с сильнейшими приступами. Когда Вульфа отправили в командировку, она за десять дней до его возвращения потеряла хлебные карточки. Едва живая, Зося все же сохранила к его возвращению полкило риса, который он оставил ей из своего командировочного пайка, сама же ела траву. Но в конце лета чета собрала богатый урожай кукурузы — початки вывозили грузовиком! — и жизнь стала налаживаться. Однако трудности отразились на Зосином здоровье: она похудела на 36 килограмм. Ребенок родился больным и умер, не прожив и трех месяцев. Вульф был в это время в командировке в Москве. Командировки всегда были полны приключений: так, однажды на пути в Алма-Ату у него украли ночью мешок с сухарями, зато на обратном пути он оказался в купе с попутчиками, которые угощали его давно не виданной водкой и закусками, а потом, оставив чемоданы, отлучились, попросив в случае проверки сказать, что это его вещи. Командировочного проверять не стали, и благодарные воры всю дорогу щедро его кормили. Уже дома Вульф сообразил, кто были эти попутчики, ловко прикрывшиеся его командировочным удостоверением.

Особо выделяется его поездка в Москву. Директор сахарного завода капитан Тимковский сознательно выбрал Пашко для этого поручения. Когда Вульф, плохо знавший страну, стал отказываться, Тимковский объяснил, что доверяет ему: случалось, что другие снабженцы распродавали полученные товары и исчезали в неизвестном направлении. Директор передал с Вульфом мешок сахара и мешок риса для своего брата, майора НКВД. Благодарный майор целый день водил Пашко по городу, рассказал об обороне Москвы и пригласил в гости. Он жил в кремлевской квартире со старушкой матерью, которая была счастлива поговорить с Вульфом на идиш.

Пашко должен был доставить в Кант прицепной вагон со спецодеждой и запчастями для машин, но оказалось, что прицеп будет готов лишь через месяц. Командировочные были рассчитаны на несколько дней, и Вульф устроился столяром на склад. За это его кормили, а ночевал он в январские морозы в кабине грузовика. Наконец прицеп был доставлен. Вульф набил его под завязку, а часть товаров погрузил на крышу в специально изготовленном им контейнере. В углу вагона он смастерил для себя закуток с топчаном и металлической печкой. Вагон прицепили к поезду — и в путь. Продуктов ему выдали на неделю, но поезд постоянно останавливался, чтобы пропустить военные составы, и, не успев отъехать от Москвы, Вульф оказался без еды. Одежда и запчасти, которые он вез, были ценным товаром, но он боялся их продавать, чтобы не загреметь в тюрьму по возвращении. К счастью, среди груза были рулоны брезента, и каждые день-два Вульф отрезал по два метра и менял на буханку хлеба. На это он жил, благо кипяток был на каждой станции. Вначале он замерзал, так как дрова, которые он находил вдоль дороги, были сырые и не горели. Тогда он стал ежедневно соскребать немного смазки с колес, каждый раз с разных вагонов, чтобы не навредить, и использовал для растопки: «Это не был саботаж, я просто хотел выжить и доставить то, что мне поручили». Вместо недели он добирался обратно целый месяц. На подъезде к Канту директор послал машину на поиски Пашко. И вот за день до прибытия в вагоне появилась Зося с подругой Ядзей, котелком мамалыги, бутылкой самогона от друга Коли и фотографией с похорон маленького Толека, который умер, пока отец был в Москве. Представляя отчет о командировке, Вульф рассказал Тимковскому, что вынужден был менять куски брезента на хлеб. «Хорошо, Володя, ты поступил правильно», — ответил директор и наградил его продуктовыми карточками из директорского фонда. «Я вернулся домой с прекрасными продуктами, которых я здесь не видел и даже не мог себе представить, что они существовали, когда кто-то ел траву, чтобы выжить». Этих дополнительных карточек им хватило на несколько месяцев.

После смерти сына Зося устроилась кондуктором на рейсовый автобус. Шел 1945 год. Жизнь четы Пашко наладилась, у них было много друзей: местные русские, украинцы, киргизы, беженцы разных национальностей. Только узбеки, жившие старыми традициями, держались особняком. Пашко сняли комнату в кирпичном доме, держали поросят и двух овец. Вульф привозил из поездок фрукты, и у них была своя кукурузная мука. На автобазе он пользовался любовью и уважением и работал с удовольствием.

Однажды к нему подошел механик Гриша. Он вернулся с фронта после ранения, и правая рука его бездействовала. Но Григорий хотел работать — у него были жена и трое детей, — и начальник гаража поручил ему собрать грузовик, используя части старых негодных машин. Дело у однорукого Гриши двигалось плохо, и он обратился к Вульфу за помощью. Поначалу Вульф не хотел с этим связываться — у водителя всегда есть возможность для дополнительного заработка, а тут нужно было на три месяца от этого отказаться, то есть добровольно сесть на голодный паек. «Но меня мучила совесть: как я могу отказать человеку, который сражался с немцами за нашу свободу, пока мы, молодые ребята, отсиживались в Киргизии, где нашей жизни ничто не угрожало? После борьбы с самим собой я согласился ему помочь». Гриша пообещал, что когда они закончат, он будет делиться с Вульфом своим заработком, и жизнь обоих улучшится. Через три месяца тяжелой работы впроголодь грузовик был готов. В первой же поездке он сломался. Еще неделя работы, голода и неприятностей. На преодоление 160 километров ушло несколько дней, потому что они постоянно должны были ремонтироваться.

Когда грузовик был снова на ходу, напарникам поручили доставить зерно из другого города. По дороге они подвозили «левых» пассажиров. За каждые 20 километров брали по рублю. По пути заезжали на базары, покупали молоко, сыр, масло, лепешки — жизнь была хороша! Гриша руководил бизнесом: сам сел за руль, а Вульфу поручил со-

бирать деньги с «леваков». Пока доехали, у Пашко были полные карманы денег. «Это тебе, а что соберем на обратном пути, будет мое», — распорядился Гриша. Но в этот раз им не так везло на пассажиров, и денег собрали намного меньше. Вульф предложил поделиться, но Гриша категорически отказался — уговор дороже денег. «Володя, приказ есть приказ», — сказал он Вульфу. Он все еще носил военную форму, армейскую фуражку козырьком назад и всегда выглядел веселым и довольным жизнью.

Одна из поездок состоялась, когда Зося была в роддоме. Гриша накопил на базаре продуктов и предложил: «Давай навестим твою жену». Доехали глубокой ночью, и в больницу их не пустили. Гриша усмехнулся: «Не переживай, Володя, все будет в порядке». Приосанился, надвинул козырек на лоб и постучал в дверь: «Откройте, НКВД!» Перепуганная вахтерша открыла дверь. Гриша вошел, вынул из кармана какую-то бумажку: «У вас есть пациентка по имени Пашко?» Получив утвердительный ответ, приказал: «Приведите ее сюда!» Появилась испуганная Зося с дочкой на руках. Гриша вручил ей пакет: «Вам передача от человека по имени Володя!» Зося все поняла, поблагодарила, и авантюристы ушли. «Никогда не забуду этот случай и никогда не забуду Гришу. Он всегда у меня перед глазами со своей доброй улыбкой», — вспоминал Вульф.

Возвращение

Мира родилась в марте 1946 года, а в апреле в Польшу начали ходить составы с польскими гражданами. Пашко засобирались на родину, хотя их уговаривали остаться, обещая для затравки телку, двух свиней и разные необходимые в хозяйстве предметы. Это было щедрое предложение по тем временам, но большинство поляков хотело вернуться к своим семьям. Никому и в голову не приходило, что их семьи на родине могли быть полностью истреблены немцами. Готовились к отъезду серьезно. Купили курдючную овцу, поросенка и с помощью друга Коли заготовили вкуснейшие мясные консервы в больших металлических банках, которые им выдали, а также чемодан бекона и мешок сухарей. Остальной багаж — двухмесячная Мира, деревянное корыто собственного производства для ее купания и Зосино пуховое одеяло. В каждом товарном вагоне размещалось по 8—10 семей. Было жалко расставаться с русскими друзьями, с которыми они пережили тяжелые времена. Провожали их с цветами и со слезами. «Я не помню ничего плохого со стороны русских, — рассказывал Вульф. — Если и было что-то плохое, то это голод, но мы голодали вместе. В нашей памяти остались только доброта и человечность. Никто не убедит меня в обратном. Я не говорю о политике, о том, что позже стало известно о Сталине, но время, проведенное нами тогда в Советском Союзе, спасло нас от уничтожения».

Путешествие прошло без проблем. У Зоси было много молока, и сцеженным молоком она обмывала тельце ребенка. Через месяц, счастливые, они подъехали к русско-польской границе и были атакованы польской бандой. В них полетели камни, и понеслись крики: «Коммунисты приехали голосовать». По одну сторону границы беженцев защищала русская армия, по другую — польская. Атаки на вернувшихся организовала Армия Крайова.

Поезд прибыл в Щецин. Репатрианты расположились в здании, где раньше находился католический монашеский орден. Международная организация для беженцев бесплатно снабжала их едой. Вульф встретил соседа из Белостока, тоже вернувшегося из Союза, и, оставив свои семьи на две недели, мужчины отправились на свою малую родину. Это было опасно, потому что банды АК вытаскивали евреев из поездов и расстреливали на месте как потенциальных коммунистов. Но выхода не было. Во время такого рейда АК Вульф с Ицеком удалось спрятаться.

В Белостоке они увидели скелеты разрушенных домов, улицы, заваленные обломками. Но когда приблизились к Рыбному рынку, с которого начинался еврейский квартал, то не смогли найти свою улицу: район был уничтожен до основания. В шоке они бродили вокруг, и Вульф набрел на фрагмент своего дома: кусок кровати, обломок изразцовой печки и бетонная загородка для мусора, которую он когда-то смастерил. На углу Купецкой и Минской в нескольких сохранившихся старых деревянных строениях обосновался Еврейский комитет, предлагавший помощь. В помещении толпилось человек 50—60. Каждый из них получил комплект мужской одежды и по несколько банок мясных и рыбных консервов. Друзья отправились на поиски жилья и нашли пустую квартиру в доме на улице Заменхофа. Ицек был опытным каменщиком, Вульф плотником, и вдвоем они привели квартиру в порядок. Перед возвращением в Щецин они попытались получить одежду для своих жен, но им сказали, что для получения необходимо личное присутствие. Неподалеку от комитета предприимчивые люди покупали, продавали или обменивали одежду, полученную беженцами. Вульф обменял свой комплект на женский. Как же счастлива была Зося, когда муж вернулся с красивыми вещами для нее! Черное платье в белый горошек, белый пиджак, нейлоновые чулки, туфли на каблуках — все ей идеально подошло. Но как же трудно было отвечать на вопросы, которыми их засыпали соседи...

Как ни рискованно это было, в июле семья Пашко вместе со Злоткевичами поехали в Белосток через Варшаву. На каждой станции они видели трупы людей, которых вытащили из проходивших здесь поездов и убили. «Вместе со страхом мы чувствовали опустошающий гнев. Мы пережили нищету и трудности, вернулись домой, и теперь в любой момент люди из АК могли войти в вагон, вытащить меня и прострелить мне голову только за то, что я еврей. Таких атак было много. Несколько моих знакомых были убиты на 160-километровом участке дороги от Варшавы до Белостока».

Денег на транспорт от вокзала у Пашко не было, но не хотелось и ударить в грязь лицом перед начавшими возвращаться соседями, поэтому часть пути супруги проделали пешком с ребенком на руках, со всеми своими котомками, включая знаменитую Зосину перину и найденные ею в Щецине кухонную утварь и обломок швейной машины, а когда навстречу стали попадаться знакомые лица, наняли пролетку и с шиком подкатили к дому на Заменхофа. Они заняли меньшую комнату в подготовленной квартире, а в большей поселилась семья Ицека. Кухня была общая. Жили дружно.

Вульф устроился охранником при Еврейском комитете. Так как в первые послевоенные годы евреи подвергались атакам со стороны Армии Крайовой, два главных еврейских центра держали по десять человек вооруженной охраны, поэтому их не трогали. Но продолжались нападения на одиночек. Меньше повезло жителям Кельце, где 4 июля 1946 года прошел еврейский погром. Крестьяне, вооруженные топорами, ножами и серпами, «убивали женщин, детей, мужчин — всех». Полиция бездействовала. Бойня прекратилась, только когда прибыла армия из Варшавы. Было убито 40 человек, многие были ранены. После этого инцидента немало евреев в течение нескольких лет покинуло Польшу. Но несколько сотен их оставалось в Белостоке.

Катастрофа

Только по возвращении из эвакуации Вульф узнал о том, что произошло в городе во время войны. Когда в 1941 году немцы вошли в Белосток, сразу начались массовые убийства. 27 июня 1941 года они сожгли главную синагогу города с двумя тысячами евреев, запертыми внутри, и уничтожили еще тысячу горожан-евреев. Пытавшихся спастись из горящего здания расстреливали. (Ночной сторож Якель рассказал, что он все-таки сумел открыть заднюю дверь, и несколько человек спаслись.) Когда от

синагоги остались одни руины, немцы сожгли прилегающие кварталы, выгородили территорию под гетто и согнали туда всех евреев. У семьи Вульфа был в пригороде близкий друг, железнодорожник Плавский. Когда немцы начали жечь и стрелять, мать и бабушка Вульфа прибежали к нему, прося спрятать их. Но он побоялся. Дал им хлеб, селедку, еще что-то и отправил назад в гетто. «Возможно, вначале никто не мог подумать, что в гетто начнутся масштабные убийства».

Уже в Австралии Пашко познакомились с пани Вайштейновой из Суходоли. Оттуда, как и из других окрестных населенных пунктов, немцы согнали людей в белостокское гетто. Там пани Вайштейнова познакомилась с матерью Вульфа Шифрой и некоторое время жила вместе с ней и двоюродной сестрой Вульфа Рохалей (в каждой комнате селили по 15–20 человек). В конце 1941-го Шифра отдала Рохале свою золотую цепочку с просьбой передать сыну, а через две недели умерла от голода. Отца Вульфа к тому времени уже не было в живых. Начиная с первой недели оккупации немцы приходили по субботам со списком шести тысяч еврейских мужчин не старше сорока лет — это были потенциальные «смутьяны» — и уводили их якобы на работу. В составлении таких списков помогали технологии IBM, которые немцы применяли с 1933 года, набивая на перфокарты данные переписи населения разных стран, что делало работу весьма эффективной. Колонну мужчин выводили из города, отбирали из них небольшую бригаду для рытья траншеи, потом выстраивали перед ней всю группу, расстреливали и засыпали убитых вместе с ранеными землей. Отец Вульфа был в группе первых «субботних мужчин». Их вели по улице Сенкевича, а по сторонам стояли люди, в том числе мать Вульфа, и смотрели на проходящую колонну, которую сопровождали немцы и местные коллаборационисты. В пригороде Бацечки, примыкающем к Супрашльским лесам, была заранее вырыта канава, куда мужчин загнали и расстреляли из автоматов. Теперь там стоит памятник.

Вернувшись рассказали и о восстании в гетто 16 августа 1943 года. К 1943 году стало известно о лагерях уничтожения. Обитатели гетто (за несколько недель немцы собрали за колючей проволокой 250 тысяч человек) поняли наконец, что когда немцы приходят и забирают по 500–1000 человек, их отправляют не на работу, а на верную смерть. С февраля начали готовиться к восстанию, решив, что если даже несколько человек спасется, уже хорошо, потому что все они были обречены. (Среди тех, кто спасся, была Хайка Гросман, одна из организаторов восстания. До конца войны она вела подпольную борьбу против немцев, а в 1948-м уехала в Израиль, была членом кнессета и дожила до 1996 года.) Повстанцы начали вооружаться, готовили взрывчатку и гранаты. Возглавил группу Мордехай Тененбаум-Тамарофф, участник восстания в Варшавском гетто в апреле–мае 1943 года. Восстание в Белостоке началось раньше времени, потому что 16 августа случайно взорвалась граната, и откладывать было уже нельзя. За неделю восстание было подавлено. В расправе с мятежниками гестаповцам помогали украинцы, белорусы и латыши из так называемых «травников»⁴. Гетто сожгли, а 72 организатора были брошены в яму на Жабьей улице. Это было второе крупнейшее восстание в гетто в оккупированной нацистами Европе. Всего их было более ста.

После массовых убийств немцы зарывали тела в разных местах: в лесу, как отца Вульфа, в поле, посреди города. «Перед нами, выжившими, стояла задача эксгумировать их и предать тела достойному захоронению». В 1946 году Еврейский комитет призвал желающих взяться за эту работу. Вызвалось шесть человек, младшим среди них был Вульф. Работали они в 1946, 1947 и 1948 годах, только зимой, так как в теплое время года работать было невозможно из-за невыносимого запаха от открытых могил и опасности распространения инфекции. Много массовых захоронений было в районе гетто. Хотя рядом находилось еврейское кладбище, немцы не разрешали там

⁴ Травники — коллаборационисты, прошедшие подготовку в учебном лагере СС «Травники».

хоронить, умерших бросали в общие могилы. Местные поляки показывали места — они были свидетелями происходящего, но не могли тогда ничего сделать.

Волонтеры раскопали огромную яму, куда было брошено немцами несколько сот человек при ликвидации родильного дома. Отец продолжил: «У меня была фотография украинцев, везущих беременных женщин на телегах к месту казни. В больнице были и маленькие дети. Мне рассказывали, что комендант гетто Фридель сидел на стуле рядом с ямой, помощники подавали ему детей, и он, держа за ноги, ударял их головой о ствол дерева, а потом бросал в яму. В этой яме мы нашли много беременных женщин, некоторые были на сносях. Они умерли оттого, что задохнулись. Немцы не расстреливали их, бросали вниз живыми, а потом присыпали землей. Поляки, жившие неподалеку, рассказали нам, что неделями потом земля ходила ходуном и сочилась кровью».

Когда волонтеры перезахоронили останки убитых на кладбище, они поставили в их честь красивый памятник. Кроме того, был воздвигнут монумент в память о 60 тысяч евреев Белостока, погубленных немцами. Еще один монумент был установлен в честь героев восстания в гетто. Этот монумент был ликвидирован в 1960-е годы, так как не вписался в план развития города, как и кладбище в гетто, где была похоронена мать Вульфа. Останки были перенесены на другое еврейское кладбище или захоронены под общим памятником всем погибшим евреям города. Вульф узнал об этом, когда в 1970 году приехал из Австралии в гости. Городские власти давно хотели снести памятники и ликвидировать кладбище в гетто, но евреи Белостока противостояли этому. Когда же большинство их вынуждено было уехать, все памятные места, связанные с геноцидом евреев во время Второй мировой войны, были ликвидированы. Позже власти признали это ошибкой.

Волонтерам, занятым на эксгумации, платили зарплату, но эта неприятная, опасная и тяжелая физическая работа была сугубо добровольной. Работали несколько недель подряд, потом несколько недель отдыхали. Фронт работ тщательно дезинфицировали, а Еврейский комитет обеспечивал работавших едой и водкой. Перед началом рабочего дня волонтеры обязательно выпивали стопку водки, потому что трезвым выполнять такую работу было невыносимо. «Но кто-то должен был это сделать».

Эксгумация проводилась и в окрестных селах. Так, было известно, что в лесах вокруг Супрашля действовал отряд еврейских партизан, и там было несколько групповых захоронений. Но никто не хотел работать в селах. К угрозе заражения и ужасному запаху хлорной извести, которой обильно посыпались места раскопок, прибавлялась опасность быть убитыми аковцами и местными бандитами. Только Вульф Пашко и Хаим Захариаш согласились. Для работы в Крынках, где, по свидетельству местных жителей, в центре поселка были закопаны убитые евреи во главе с раввином, Пашко и Захариаш нанял единственный выживший там еврей. Деньги прислали бывшие земляки, разъехавшиеся по свету. Хотя Вульф и Хаим были вооружены, Вульф решил до начала работ обратиться в местную милицию. Оттуда их направили в армейские части — Крынки находились вблизи границы с Россией, и наряду с польскими частями там было немало русских офицеров. Вульф поговорил с ними по-русски и получил заверение: «Не беспокойтесь, делайте свою работу, а мы вас защитим». Хотя не было заметно никаких действий со стороны офицеров, очевидно, они знали, что делали, потому что местные, толпившиеся вокруг Вульфа с Хаимом, пока они работали, не трогали их. Существовала традиция «бей жидов», вспоминает Вульф, но не все поляки плохо относились к евреям. «Были хулиганы, бандиты и пьяницы, но были и порядочные люди, готовые помочь».

Во влажной почве тела хорошо сохранялись и выглядели как живые. Так было на месте ликвидации роддома в Белостоке: тела убитых были не тронуты тлением, некоторых женщин они даже смогли узнать — например, владелицу аптеки в Валах. Так

как почва в Крынках была сухая, на месте захоронения остались только кости, и нельзя было не только идентифицировать погибших, но и точно определить их количество. Согласно свидетелям, там могло быть человек 20—30. Обычно на традиционных похоронах за гробом идет группа плакальщиков и молящихся, здесь же процессия состояла из повозки, на которой кучер вез большой ящик с останками, а за ней шли Вульф, Хаим и их наниматель. Они медленно двигались к кладбищу через центр поселка. Возле пивной стояло человек десять изрядно выпивших селян, и с криком «Бей жидов!» они напали на процессию. Хаим и Вульф выхватили пистолеты и выстрелили в воздух. И вдруг увидели солдат, бегущих к ним и стреляющих вверх из автоматов. Нападавшие рассеялись, и похоронная группа продолжила свой путь. Оказывается, русский офицер, пообещавший Вульфу охранять их, выделил десять солдат, чтобы те незаметно на расстоянии наблюдали за ними и, если нужно, пришли на помощь.

В Супрашле Вульфа с Хаимом дважды останавливали прятавшиеся в лесу аковцы с вопросом, куда они идут. Друзья придумали какие-то отговорки, и их отпустили. «Если бы они знали, что мы вооружены, нас бы застрелили на месте». Аковцы были одеты в форму старой польской армии и вооружены автоматами. Пока шла война, они воевали и с немцами, и с русскими, а потом отказались признать победу русских и ушли в леса, чтобы продолжить борьбу с ними и с коммунистическим правительством Польши. Аковцы получали помощь с Запада, особенно из Англии и Америки. (Мира добавила от себя: в 1942—1945 годах многие бойцы еврейского Сопротивления сражались в рядах АК против немцев и украинских и литовских фашистов, но националистическое крыло АК было антисемитским и прибегало к насилию. Именно это лицо Армии Крайовой увидел после войны ее отец.)

До войны в Белостоке и окрестностях проживало 250 тысяч евреев. После войны их стало гораздо меньше. Нелегко было собрать десять мужчин, необходимых для проведения религиозной службы или похорон. В конце 1950-х в городе оставалось около двухсот евреев, а к 1962-му, когда семья Пашко покинула Польшу, только 150. Через тридцать лет их осталось человек десять. Возможно, говорит Вульф, их чуть больше, но они не ходят ни на какие мероприятия, связанные с еврейской религией, историей и культурой. По статистике, в начале 1990-х в Польше проживало 5000 евреев — в Варшаве, Кракове, где-то еще, но в Белостоке, по его убеждению, оставалось не более десяти.

Кооператор

После войны в Варшаве действовало Общество культуры и образования евреев Польши, получавшее гранты из-за рубежа для обучения евреев, в том числе рабочим специальностям, и распределявшее деньги по филиалам — местным еврейским комитетам. Несколько лет Вульф возглавлял комитет в Белостоке и смог многим помочь. Он в это время основал кооператив и получал средства для обучения своих рабочих профессиям механика, плотника и т. п.

Начинать жизнь с нуля было трудно. «Все, что у нас было, — наша дочка и наша молодость». Поработав охранником в Еврейском комитете и по совместительству плотником, Вульф разобрался в ситуации и узнал, что с помощью комитета учреждаются различные кооперативы: пекарские, деревообрабатывающие, швейные и т. п. Американские еврейские организации присылали материалы, инструменты и другую помощь. Польское государство было заинтересовано в создании кооперативов, а американские евреи хотели помочь пережившим концлагеря соплеменникам, не имевшим профессии. Вульф оформил партнерство с бывшим владельцем обувной фабрики Хацкелем Капланом, который также знал плотническое дело, и они подали заявку на место для мастерской по деревообработке. Им выделили большое помещение на Купецкой в здании,

где они сами тогда жили. У Пашко и Каплана были свои инструменты, и они немедленно приступили к изготовлению полок, столов для швейных фабрик и мебели для пекарен. По закону в кооперативе должно было трудиться не менее десяти человек, и поначалу предприниматели вписали в документы имена «мертвых душ», чтобы сформировать легитимный кооп. Но поскольку в то время организации не имели права обращаться с заказами к частным лицам, многие довоенные плотники оказались не у дел и нанялись на работу во вновь созданный кооператив. Вульф принимал всех: и тех, кто раньше вставлял ему палки в колеса из-за конкуренции, и тех, кто не имел опыта и нуждался в обучении. Вскоре они так разрослись, что переехали в большее помещение на Минской. Кооператив был весьма успешным, через пару лет он начал производить также металлоизделия и получил название «Стол-Мет». Вульф принял на работу нескольких цыган. Они были хорошие работники, но почти никто их не нанимал.

Так Пашко проработал десять лет с 1946-го по 1956 год. Он вошел в совет директоров Федерации кооперативов своего района, со всеми имел хорошие, уважительные отношения. В управлении федерации на улице Сенкевича работало сто человек. Были отделы закупок, планирования, капиталовложений, культуры, кадров и бухгалтерия. Управление спускало план, распределяло сырье, а кооперативы должны были сами находить себе заказчиков. Сырья хронически не хватало, и важным качеством хорошего руководителя было установить связи с министерством в Варшаве, чтобы получать большую долю. Также Вульф много ездил по стране в поисках сырья и сбыта товаров. Было непросто, но он всегда обеспечивал своих подчиненных работой. Фирма продолжала расти. Первые пять лет Вульф работал и как руководитель, и как плотник, но потом стал генеральным директором и физическим трудом не занимался. Преданный и честный, Пашко считался одним из лучших руководителей в федерации, и его предприятие было одним из лучших. Его неоднократно награждали медалями и премиями, в том числе за изобретения. Например, Вульф предложил заменить роторную пилу вращающимся цилиндром с ножами, который был изготовлен у них в мастерской по его спецификации. Благодаря этому доску разрезали сразу на двадцать планок, а не отрезали по одной, как раньше, что во много раз повысило производительность. За это Вульф получил от Отдела качества и рацпредложений премию в размере восьмимесячной зарплаты. Были и другие изобретения, повышающие эффективность режущих инструментов. Плакат, представлявший польскую делегацию на Международной торговой выставке 1956 года в Познани, украшала фотография Вульфа Пашко.

В дополнение к техническим изобретениям Вульф проявил себя в снабжении и маркетинге. Главная фабрика его кооператива производила шкафы для раздевалок на заводах и шахтах. При постоянном дефиците сырья и расходных материалов он умудрился наладить бесперебойное снабжение своих предприятий благодаря умению вести переговоры в министерстве и с представителями бизнеса. Федерация часто посылала его разобраться с проблемами других кооперативов и наладить работу, и он всегда был рад помочь организовать производство и обеспечить заказами. За совершенство в области управления Вульфа наградили престижным «Крестом за заслуги».

Сначала в послевоенной Польше существовало два типа кооперативов: государственные и «Солидарность» — те, что были созданы на еврейские деньги, поступающие с Запада. Позже их объединили в Центральный союз работников кооперативов CZSP. В момент слияния кооперативы «Солидарности» были более продвинутыми, и хотя евреи составляли не более 10 % всех работников, руководство управления в Варшаве состояло в основном из евреев (Готлиб, Цигельштрайб). Они хорошо знали Пашко как основателя одного из первых кооперативов, ценили его, и он никогда не возвращался из Варшавы с пустыми руками. Кооперативу выделялся директорский фонд для налаживания отношений с деловыми партнерами. Из него Вульф ежемесячно платил 150 злотых менеджеру по закупкам из Центрального бюро продажи мебели Гузиков-

скому, которого «сделал своим агентом», и тот снабжал заказами не только Пашко, но по его протекции и другие коопы Белостока. «Федерация знала, что у меня есть свой человек, но не знала, кто именно».

«Стол-Мет» был переименован в Кооператив имени 1 Мая. К 1956 году у них работали литейный цех, гараж, мастерские по деревообработке и производству металлоизделий, а бригада цыган занималась покрытием больших варочных сосудов для армии. Всего было занято 160 человек. Активно работал социально-культурный отдел, ежегодно для работников устраивали поездки на курорты — на Балтийское море, в Татры и др. О Пашко писали в газетах, показывали в кинохронике.

В 1950-е годы практиковались поездки смешанных групп из стран соцлагеря в СССР. Вульф ездил в месячный круиз по Черному морю, начавшийся в Одессе, с остановками в Ялте, Сухуми, Батуми, откуда их на автобусах возили по окрестностям. Кормили в хороших ресторанах, развлекали, и в каждом порту их приветствовали пионеры с цветами и песнями под аккордеон, как будто это был визит официальной делегации. Вульф был универсальным переводчиком для всех, так как знание польского и русского помогало ему понимать славян, а идиш — немцев. Путевка стоила дорого, но зато давала возможность заработать: в Союзе был дефицит одежды, и Вульф привез на продажу много вещей, в основном из посылок, присланных из Америки, а под конец распродал и свою одежду. «Приехал домой почти голый». На вырученные деньги он купил в Союзе холодильник, проигрыватель, телевизор «Рубин» и несколько золотых колец, что более чем окупало расходы на поездку. Мира провела в СССР две недели в пионерском лагере на озере и привезла обратно на продажу самовар, переданный ей знакомой.

Вдвоем с Зосей Вульф съездил в Харьков к своей тете, сестре отца. Она уехала в СССР в 1937 году вслед за братом, эмигрировавшим ранее, — оба были коммунистами. Брат был позже репрессирован как троцкист, а Белу пощадили, так как у нее был маленький ребенок. Бела тоже навестила родственников в Польше, но на этом отношения прервались: тетя стала претендовать на наследство. Дело в том, что в послевоенной Польше действовала группа, которая находила родственников тех, кто не вернулся после войны, и содействовала в продаже оставшейся от них недвижимости. Пришли они и к Вульфу, предложив оформить на него землю, принадлежавшую одному из братьев отца, портному. Дом был сожжен, а участок остался. Эта группа имела связи в нужных инстанциях и помогла Вульфу повернуть сделку, оставив себе часть денег от продажи. Недвижимость продавалась с условием, что она останется в еврейских руках. Вот на эти деньги и претендовала теперь тетка. «Мы получили тогда совсем немного. Я оказал ей помощь на вдвое большую сумму за все эти годы».

У четы Пашко была репутация, что они всем помогают, поэтому у них часто кто-то жил: возвращавшиеся из концлагерей, беженцы и ссыльные из России (например, члены сионистских организаций, сосланные в Сибирь). Одному такому по имени Шмуль они помогли после возвращения уехать к сестре в Израиль. С ним Вульф отправил холодильник, который привез из России и продал знакомым в Израиле. Но по приезду на Землю обетованную Шмуль не захотел расстаться с холодильником, и только решимость покупателей в конечном итоге вернула его законным владельцам.

Ситуация меняется

Польско-еврейские отношения всегда складывались непросто. Вульф рассказал о таком случае. По субботам он работал в столярной мастерской и как-то зашел в соседнюю парикмахерскую постричься и побриться. Маленький щуплый парикмахер по имени Йосль стриг одного поляка, второй ждал своей очереди. При появлении Вуль-

фа один из них крикнул: «Ого, еще один жид пожаловал!» Пока Йосль был один, он молча сносил издевательства и, трясаясь от страха, продолжал обслуживать клиентов. Тридцатилетний Вульф был высок ростом и силен, к тому же унаследовал бойцовский талант отца. Он предложил парочке выйти, чтобы не побить зеркала, и хорошенько отделал обоих. Один из них поднял с земли камень и направился к Вульфу, но проходивший мимо знакомый поляк толкнул его, тот упал, к тому же в это время из мастерской вышло несколько человек, и обидчики скрылись. На завтра, когда семейство Пашко возвращалось из поездки в парк отдыха, Вульф заметил вчерашних знакомцев с компанией дружков. Очевидно, они поджидали его. Спрятав лицо за дочку, которую нес на руках, Вульф под руку с женой прошел мимо компании, отправил Зосю с Мирой домой, а сам зашел в парикмахерскую. Там несколько его знакомых играли в карты. Вульф объяснил им ситуацию и попросил подождать, отправился в мастерскую и нарезал из досок несколько длинных палок, принес их в парикмахерскую и, вооружившись одной из них, подошел к группе «мстителей» со словами: «Парни, идите, откуда пришли, потому что вам с нами не справиться. Видите парикмахерскую? Там внутри ждут несколько ребят. Если будет драка, вернетесь домой калеками. Лучше уходите». Гости послушались совета, убрались и никогда больше не возвращались. Они были чужаками в этом районе, видимо, случайно зашли накануне в эту парикмахерскую. Так что все кончилось мирно.

В середине 1950-х политическая ситуация в Польше обострилась. Нарастал официальный антисемитизм, и Вульф ощутил на себе попытки дискредитации. Сюда можно отнести его арест. Когда в 1946 году Вульф начал служить в охране Еврейского комитета, им выдали оружие, чтобы они могли защищаться от нападений аковцев — как раз перед этим произошел погром в Кельце. Охранники получали оружие и от евреев, демобилизованных из армии: винтовки, автоматы Калашникова, гранаты. Лет через 8—10 караульное помещение охраны было ликвидировано, и оружие осталось у них на руках. Когда бывшие охранники пришли сдавать оружие в Комитет безопасности (UB), у них возникли проблемы: их заподозрили в том, что часть оружия они оставили себе. Вульфа задержали при сдаче оружия, но на следующий день освободили благодаря вмешательству главы Еврейского комитета. UB провел обыски в домах всех евреев. В квартире Пашко обнаружили пулю, которая завалялась на дубовом шкафу. Полицейский обозвал Вульфа бандитом, преступником, подпольщиком и в наручниках увел его из дома. Как члена партии (он вступил в Польскую рабочую партию в 1946-м, потому что всегда сочувствовал интересам рабочих) его не имели права арестовывать, поэтому на следующий день секретарь горкома пришел в участок и отобрал у Вульфа партбилет на том основании, что при обыске у него была найдена пуля. Вульф был убежден, что за этим стояла попытка уволить его и назначить на его место кого-то другого. Два дня он провел в подвале вместе с еще двадцатью задержанными. Зося нашла маленькое оконце и умудрилась бросить туда передачу с хлебом и колбасой. Через двое суток, получив постановление прокурора, его перевели в тюрьму, где месяц держали в одиночке. Каждый вечер его допрашивали. Следовательно, сорокалетний сержант, «был приличный человек и понимал, что я невиновен, к тому же я был уважаемым в городе человеком, директором кооператива, членом партии», вспоминал Вульф. Его не били, как некоторых других, но кричали на него, допытываясь, к какой банде он принадлежит, где прячет оружие и т. п. Когда Вульфа арестовали, Мира находилась в детском туберкулезном санатории, и он попросил полицейских узнать у жены, принесшей ему передачу, о здоровье дочери. Ему отказали. Каждый вечер он просил следователя узнать о дочери, но безрезультатно. Тогда он объявил голодовку и попросил свидания с прокурором. Через пару дней, когда Зося снова пришла, полицейский справился у нее о состоянии Миры и пришел в камеру сообщить, что дочери луч-

ше, после чего Вульф прекратил голодовку. Через месяц его отпустили, не сумев доказать вину. Весь этот месяц он не получал зарплату, а Зося тоже не могла работать: у нее были постоянные головные боли из-за перенесенной малярии и маленький сын на руках (Лева родился в 1950 году). Едва освободившись, Вульф продал два своих костюма, и на эти деньги они жили первое время.

Вульфа вызвали в горком партии и предложили восстановить свое членство, но он отказался. Из Варшавы прислали человека из Центрального бюро нацменьшинств, который пытался уговорить Вульфа, но тот был непреклонен и остался беспартийным. Тем не менее его вернули на прежнюю должность. Но это было уже не то: при нем постоянно находились «ассистенты», которые должны были следить за ним и докладывать обо всем, что он делает. Сначала это была Ривка, еврейка. Ее назначили генеральным директором, а Вульфа сделали президентом. Она ничего не понимала в работе, а потому долго не продержалась, и ее сменила г-жа Новак, полька или белоруска по национальности, муж которой работал в райкоме партии. Она была начальницей отдела кадров, но на деле была соглядатаем при Вульфе и доносила обо всем, даже о празднованиях дней рождения, на которых произносились тосты. Вскоре в местной газете появилась статья, где Пашко обвиняли в том, что он, президент кооператива, скармливает своим свиньям молоко, которое полагалось рабочим-литейщикам за вредность. В действительности же Вульф нанял свою жену, чтобы она кипятила молоко, выделяемое из расчета пол-литра на рабочего, и давала им теплое молоко. Он считал, что это полезнее и безопаснее, да и жене дал подзаработать. Квартира Пашко находилась в том же дворе, и Новак видела из окна своего офиса, что Пашко держали в загончике поросенка. Она рассказала об этом мужу, и тот поручил кому-то в газете написать фельетон. Вульф протестовал, требовал опровержения, обращался в горком партии Белостока, но поскольку он больше не был членом партии, его протесты игнорировались.

В последующие два-три года давление усилилось. Однажды Вульфа вызвал председатель Федерации кооперативов Пугавко, который продолжал его поддерживать, и сказал: «Пашко, тебя хотят убрать. Они уже наметили кандидатуру на твое место. Это Забруски, с дипломом и член партии. Я ничего не могу сделать». (Вульф не имел специального образования.) Все, что смог Пугавко, это перевести Пашко в Юхновец, как бы для того, чтобы он наладил работу в отстающем кооперативе. Вульф боялся ехать: это небольшая деревня, где он был бы единственным евреем, к тому же присланным, чтобы навести порядок. Но Пугавко его успокоил: «Езжай. Ты хорош с людьми, никто тебя не тронет». Председатель напомнил, что федерация уже посылала Вульфа в деревни, и он всегда возвращался целым и невредимым. В любом случае выбора у Вульфа не было. Отношение Пугавко не было случайным — в начале 50-х Вульф оказал ему поддержку, когда председатель федерации попал в беду. Пугавко был членом партии, во время войны сражался в русской армии в звании полковника, был неоднократно награжден за храбрость. Но после визита к родственникам в Канаду на три месяца его начали травить и пытались сместить с должности. Без подписи шести членов совета директоров в Белостоке этого не могли сделать, и Пашко тогда встал на защиту Пугавко. Выяснение длилось несколько лет, но Пугавко остался при должности.

Вульф проработал в Юхновце шесть лет, с 1956-го до отъезда из Польши в 1962 году. В юхновецком коопе было несколько человек, без оборудования и без заказов. Вульф сразу наладил плотницкие работы и начал новый бизнес по изготовлению свечей и елочных игрушек. Он использовал старые связи в федерации и в министерстве для получения парафина, отправил несколько человек в Силезию для обучения профессии стеклодува. Вскоре в кооперативе трудилось 25 человек, которые были полностью обеспечены работой и всегда выполняли план. Вульф продолжил традицию,

начатую им в «Стол-Мете», и каждый год вывозил своих работников с семьями на польские курорты. Некоторые впервые побывали за пределами своей деревни и района. Местные полюбили его и приглашали на многочисленные семейные праздники. О нем говорили: «Он еврей, но хороший еврей». У Вульфа оставались добрые отношения с сотрудниками Федерации кооперативов, с председателем Пугавко и со сменившим его Знаевским. Все они были близкие, родные ему люди. Но работа в Юхновце не удовлетворяла Вульфа. Масштаб был не тот.

Хотя Пашко были рады вернуться домой в 1946-м, но с самого начала их посещали мысли об отъезде. Вульф хорошо знал идиш и помогал многим в Белостоке заполнять документы и писать письма в поисках родственников за границей. Он решил и сам заняться поиском и обнаружил, что сестра его отца Соня и двоюродная сестра живут в Бруклине. Они уехали еще до войны. Тетя ответила, что хотела бы помочь племяннику приехать, но по иммиграционным законам того времени они не могли приехать в Нью-Йорк, только в Лос-Анджелес. Ехать в Калифорнию Пашко не хотели. Рассматривали они и Израиль и договорились с уехавшими туда близкими друзьями, что те напишут им об обстановке. Через полгода друзья написали, что Зосе с Вульфом ехать не стоит: во-первых, тяжелая экономическая ситуация, во-вторых, жена-полька. У Зоси и детей могли быть проблемы. И так как Вульф начал работать в кооперативе и жизнь их семьи улучшилась, они перестали думать об отъезде.

Но в течение шести лет в Юхновце Вульф все более разочаровывался в работе, и мысли возникли снова. Здесь он был в своей родной стране, знал язык, пользовался уважением, здесь были могилы предков, и мысль о том, что надо будет снова начинать с нуля, пугала. К тому же он знал, что многие евреи, покинувшие Польшу, работают разнорабочими, таксистами, портными или парикмахерами; мало кто занимал положение в обществе, сравнимое с тем, что было у Вульфа. Но друзья из федерации стали говорить ему, что партийный совет снова замышляет что-то против него и они не знают, что делать. Его пригласил Пугавко и сообщил, что из Варшавы прислали «Крест доблести» для награждения самого достойного работника белостокской Федерации кооперативов. Удостоенному награды полагалась также пожизненная пенсия в 500 злотых. «Я хочу наградить тебя. Если ты не получишь этот орден, я отправлю его обратно в Варшаву. Скажи мне честно, не собираешься ли ты эмигрировать, потому что если я награжу тебя, а ты уедешь, это плохо на мне отразится. Подумай об этом». И Вульф задумался.

Отъезд

Вскоре, в 1959 году, Пугавко сказал Вульфу: «Ты знаешь, как мы тебя уважаем и хотим, чтобы ты остался. Но будет лучше для тебя, если ты уедешь». Он обещал помочь с разрешением на выезд. Тем не менее Вульф трижды получал отказ. Но вот дело сдвинулось с мертвой точки, и семью Пашко пригласили на интервью в Варшаву. Лева было двенадцать лет, с ним не было проблем, но разговор с шестнадцатилетней Мирой был трудным. Дочь категорически не хотела покидать Польшу. В это время она отдыхала с подругой, отец которой, главврач больницы, устроил, чтобы девочек поселили на лето в коттедже на территории в лесу, возле озера, где они весело проводили время. Мира рыдала истерически, грозила, что на интервью скажет о своем нежелании ехать, что ее заставляют. Всю дорогу в Варшаву она проплакала, но на интервью не произнесла ни слова, только кивала утвердительно, когда к ней обращались. Итак, семья была готова ехать, но лишь в 1962 году были готовы паспорта. У Пашко не хватало денег, чтобы заплатить за них, и Пугавко выписал Вульфу специальную премию к 1 Мая.

Получить въездную визу было тоже непросто. Для въезда в США требовался спонсор, а у Пашко его не было. Люди ехали в Канаду, Южную Америку, Швецию и другие европейские страны, но и там Пашко не за что было зацепиться. И тут они нашли в Мельбурне Нахмана Зевко, который когда-то сожительствовал с дальней родственницей отца Вульфа и согласился заявить, что был женат на ней. На этом основании он мог быть спонсором семьи Пашко. ХИАС оплатил им билеты до Мельбурна, хотя семья была смешанной. Вульф многим помогал уезжать: мастерил контейнеры для вещей, отвозил их на грузовике, принадлежащем кооперативу, в агентство по перевозкам и т. п. Теперь он делал все это для своей семьи. В числе стандартного набора вещей было четыре пуховых одеяла, сделанных на заказ. Вульф упаковал свои элегантные костюмы. «На что они тебе? Лучше возьми рабочие комбинезоны!» — сказала Зося, но Вульф не послушался. Он понимал, что не будет на новом месте директором, но надеялся, что будет работать где-нибудь на складе, например. Ему и в голову не приходило, что придется снова стать плотником.

Сначала они доехали поездом до Роттердама, а оттуда месяц плыли до Австралии. В Мельбурне их встретил Зевко на машине пекаря из Белостока, Йосефа Остробургского, которого Вульф тоже знал. Зевко отвел им пустую комнату в своем доме, где не было никакой мебели. Сначала они спали на полу, потом Вульф смастерил деревянные раскладушки. Зевко брал с них плату с первого же дня. Хотя они привезли много подарков, он заставил их отдать ему два пуховых одеяла. Зося плакала, но Вульф настоял, надеясь, что Зевко перестанет их третировать. Зевко отключал горячую воду, когда Мира мылась под душем, и обвинял ее в том, что она принимает душ на высоких каблуках и царапает ванну. Когда Вульф загружал по утрам хозяйскую машину игрушками для продажи на рынке, Нахман заявлял, что он ее царапает, когда закрывал дверцу, говорил, что Вульф ломает машину. Вульф думал осмотреться и найти себе что-нибудь подходящее, но Зевко на третий день заставил его выйти на работу в строительном бизнесе своего знакомого — крыть шифером крыши на палящем солнце, в сорокаградусный зной, к которому северяне были непривычны. К тому же каждый день Вульф должен был работать на новом месте, добираясь на общественном транспорте, — в чужом городе, не зная языка. Вульф возвращался без сил и лежал на полу, плача от невыносимой боли в спине и ногах.

На следующей неделе по приезде хозяева взяли Зося на работу в своем кошерном ресторане. Поначалу Вульф и дети обрадовались, но скоро поняли, что ее просто эксплуатируют: по 12–13 часов в день она делала самую тяжелую работу: чистила, мыла, драила, оттирала — и получала за это гроши. Дети приходили помогать матери, но Зося, хоть и держалась бодро, была на грани — головные боли усилились, кожа на руках сморщилась и потрескалась. Зевко обращался со своими квартирантами как с рабами — больше никто из знакомых эмигрантов не оказался в такой трудной ситуации, как Пашко. Вульф решил поговорить с братьями Остробургскими, один из которых встречал их в Мельбурне. В их пекарне Вульф покупал хлеб. На просьбу Вульфа сдать им комнату Авремуль, второй из братьев, повел Вульфа на второй этаж, где было две комнаты, которые снимали поляки-своики, оставившие свои семьи в Польше и приехавшие в Австралию на заработки. Они охотно переехали в одну комнату, а вторую уступили Пашко. И вот однажды вечером, когда Зевко не было дома, Вульф с семейством перевезли вещи в квартиру над булочной. Комната здесь была больше, хозяева обращались с ними хорошо, к тому же разрешали в конце дня забирать остатки выпечки и в любое время брать муку на свои нужды. Жена Авремуля помогла им оформить необходимые документы, сопровождала в офисы, где требовалось знание английского. Жили все дружно и остались друзьями на всю жизнь.

За полтора года Вульф и Зося накопили деньги для первого взноса и купили собственный дом. В банке взяли ипотеку на десять лет, а часть денег одолжили у знако-

мых. Один из первых, к кому они обратились, был владелец бензоколонки Гингольд. До войны он работал у Вульфа в пожарной охране, и несколько раз его арестовывали за вождение в пьяном виде — если бы не заступничество Вульфа, он был бы уволен. После войны они снова встретились в Белостоке, и Гингольд жил у Пашко несколько месяцев за их счет, пока не устроился. Зося к нему первому обратилась за помощью и получила отказ. Самые бедные оказались самыми щедрыми и иногда отдавали им все свои скудные сбережения.

В первый же год Пашко рассчитались с частными долгами и досрочно, за шесть лет, погасили ипотеку. Работали много. Зося вместе с детьми клеила на дому коробки. Гнуть толстый картон, постоянно дышать парами клея было тяжело. Она освоила оверлок и устроилась на швейную фабрику, где проработала до пенсии. Пашко постоянно откладывали деньги «на черный день», а потом по совету друзей вложили их в доходный дом. Первой крупной покупкой родителей Левы и Миры в Австралии был телевизор для сына, еще когда они снимали комнату у Зевко, второй — пианино для дочери, когда они переехали в собственный дом.

Зосе и Леве сразу понравилось в Австралии — она не должна была стоять в очередях и покупать мясо с костями и конину, а сын был счастлив своим телевизором и фотоаппаратом. Отцу и дочери было не так хорошо. Первые десять лет Вульфу не нравилось все. У Миры дела стали налаживаться, как только она смогла сдать экзамен по английскому. До этого ей пришлось уйти из школы, работать в кофейне и помогать матери пришивать пуговицы на кожаные куртки. В 1970 году Мира окончила университет, стала инженером-химиком, в 1971 году познакомилась с американцем и вышла за него замуж. После двухлетнего совместного путешествия они осели в Америке.

Собственное мнение

На вопрос дочери, на кого он больше похож, Вульф ответил: на мать. У них в семье у всех были прозвища: отца прозвали Пашкенос за длинный нос, а мать называли Шифреле-умница, Шифреле-красавица. Она была слабого здоровья, но красивая и умная. «Я в нее», — улыбнулся Вульф. Ум и внутренняя красота (внешне он тоже был красавец) проявляются в его отношении к своей родине — Польше. Вульф считал, что французский документальный фильм «Шоа» показывает поляков слишком отрицательно. Не каждый мог прийти на помощь, когда немцы уничтожали евреев. Знакомая Пашко Люба Гольдберг написала книгу, где рассказала, как ее прятали поляки в деревне, но когда это стало слишком опасно, предупредили ее и попросили уйти. Она добралась до другой деревни, где ее спрятали в амбаре с сеном. Если бы немцы обнаружили ее, они спалили бы амбар, дом и убили бы всю семью. Одно дело те, кто выдавал евреев гестапо за кусок хлеба или килограмм сахара. Но нельзя осуждать тех, кто не выдавал, но боялся прятать их у себя. Те, кто прятал, — это герои, их память чтят в специальном музее в Израиле. Те, кто не прятал, не герои, но важно помнить, что они никого не выдали. «Мы не можем помнить только преступников. Мы должны помнить всех хороших людей. Миллионы поляков тоже погибли. Очевидно, что немцы, покончив с евреями, принялись бы за них. От поляков слишком много требуют. Они тоже были оккупированы, их тоже отправляли в концентрационные лагеря». Тем не менее некоторые из них, рискуя жизнью, прятали евреев.

Вульф не согласен с тем, что теперь многие евреи призывают не ездить в Польшу, осуждают тех, кто ведет с ней бизнес. Он считает, что если его родные там похоронены, он должен туда ездить. Посещают же религиозные евреи могилу цадика в Кракове! Именно благодаря поездкам Вульфа и вниманию американских еврейских организаций поддерживается главное кладбище Белостока, не позволили разрушить один из

монументов в память узников гетто. Нужно поддерживать любые жесты доброй воли со стороны правительства и общественности, тем более что все это меняется в зависимости от политической конъюнктуры. «Уж если русские простили немцев, своих злейших врагов, и теперь налаживают отношения...» Гитлер Гитлером, но теперь это другая Германия. А иначе получается, что местная еврейская газета обвиняет поляков в антисемитизме, польская газета возмущенно протестует, и вспыхивает пламя взаимной ненависти. Не все поляки антисемиты, и если мы начнем поливать их грязью, ненависть будет продолжаться. Нужно концентрироваться на хорошем, а не раздувать плохое, и если евреев приглашают приехать в Польшу, нужно ехать — разумеется, если хочешь поехать.

Многие люди, как овцы, идут, куда государство призовет их. Мало кто способен на собственное мнение. Поэтому в 1980-м в Польше осуждали Израиль как агрессора, по радио говорили, что евреи хотят захватить Польшу, а в 1985-м на телевидении показывали еврейских писателей, ученых, врачей и рассказывали, какой вклад они внесли в развитие Польши. В общем, прогресс есть. Хотя «формируются фашистские и антисемитские группы, но это издержки демократии и свободы слова». В целом отношение к евреям в Польше нормальное.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Рассказ родителей Миры Пек о своей одиссее — очередной повод трезво взглянуть на события середины прошлого века и более поздние — как в Польше, так и в России и в мире — и переосмыслить нередко субъективную, не основанную на фактах интерпретацию истории, сложившуюся в последние годы. Все чаще замалчивается вклад Советского Союза в освобождение Польши и победу над фашистской Германией, а действия Советского Союза приравнивают к тому, что творили в оккупированной Польше немцы, нередко отдавая предпочтение последним.

Думаю, читатели почувствовали мудрость и доброту, которыми проникнуты слова и поступки главного героя этого повествования, оценили его мужество и силу характера. Свидетельства Вульфа Пашко со всей очевидностью показывают беспрецедентную роль, которую сыграл Советский Союз в спасении европейского еврейства от полного уничтожения во время Второй мировой войны. Хотелось бы, чтобы эта часть советской и российской истории получила должное внимание.

*Авторизованный перевод с английского
и публикация Татьяны ЯНКОВСКОЙ*

Мира Пек родилась в Киргизии, жила в Польше и Австралии, в настоящее время проживает в США. По образованию инженер-химик, была вице-президентом корпорации BASF Americas. Автор пяти книг на английском языке, имеет награды за стихи и прозу.

Татьяна Янковская родилась в Ленинграде, окончила химфак ЛГУ, живет в США. Заведовала лабораторией в корпорации Honeywell. Статьи и проза печатались в периодике России, США, Израиля, Германии, Франции, Украины. Автор пяти книг прозы, лауреат международных литературных конкурсов.